

Оглавление

От автора	5
1. Куинси	8
2. Бостон	34
3. Вашингтон	57
4. Гарвардский университет	75
5. Берлин	96
6. Рим	112
7. Измена	132
8. Дипломатия	148
9. Враги или друзья	172
10. О нравственности в политике	194
11. Битва с броненосцами	224
12. Эксцентричность	241
13. Совершенное человеческое общество	260
14. Дилетантизм	279
15. Дарвинизм	300
16. Пресса	317
17. Президент Грант	340
18. Всеобщая свалка	357
19. Хаос	377
20. Провал	396
21. Спустя двадцать лет	416
22. Чикаго	439
23. Молчание	459
24. Золотая осень	480
25. Динамо-машина и Святая Дева	502
26. Сумерки	518
27. Тейфельсдрек	534

---

28. На вершине познания	552
29. В бездне незнания	565
30. <i>Vis inertiae</i>	578
31. Грамматика науки	596
32. <i>Vis nova</i>	613
33. Динамическая теория истории	628
34. Закон ускорения	648
35. <i>Nunc age</i>	661

ОТ АВТОРА

Жан Жак Руссо начал свою знаменитую «Исповедь» со страстных слов, обращенных к Всевышнему судии:

«Я показал себя таким, каким был в действительности: презренным и низким, когда им был, добрым, благородным, возвышенным, когда был им. Я обнажил свою душу и показал ее такою, какою видел ее сам, Всемогущий. Собери вокруг меня неисчислимую толпу подобных мне; пусть они слушают мою исповедь; пусть краснеют за мою низость; пусть сокрушаются о моих злополучиях. Пусть каждый из них у подножия Твоего престола в свою очередь с такой же искренностью раскроет сердце свое, и пусть потом хоть один из них, если осмелится, скажет Тебе: «Я был лучше этого человека».

Жан Жак был великим воспитателем в духе восемнадцатого века и, по всеобщему мнению, пользовался большим влиянием, чем любой учитель его времени, хотя метод, каким он тщился улучшить человеческую натуру, нравился далеко не всем. Большинство воспитателей девятнадцатого века отказались выставлять себя перед своими учениками людьми более презренными и низкими, чем это было необходимо, — ведь даже ничтожнейший из учителей скрывает, по возможности, недостатки, которыми природа всех нас, как и Жана Жака, щедро наградила, по примеру религиознейших умов, что Всевышний и сам вряд ли испытывает истинное удовольствие, когда перед его взором открывают главным образом наименее приятные черты собственного его творения.

В результате двадцатый век, к сожалению, получил мало новых наставлений, чего избегать и чему следовать. В американской литературе вряд ли найдется хотя бы одна рабочая модель для гармонического воспитания. Даже чтобы найти образец для самовоспитания, ученику приходится возвращаться, минуя Жана Жака, к Бенджамину Франклину. Исключая заброшенную область мертвых языков, в последнее время никто не рассматривал, какая часть воспитания оказалась, по личному опыту, полезной, а какая бесполезной. В данной книге делается попытка это рассмотреть.

Как воспитатель, Жан Жак в одном аспекте несомненно был зачинателем: он воздвиг монумент-предостережение против Ego. Начиная с Руссо и главным образом благодаря ему, Ego постепенно стало стусываться и там, где нужна была модель, превращаться в манекен, на котором примерялись ризы воспитания, чтобы проверить, годятся ли они служить одеждой. При этом предметом изучения стал покров, а не сама фигура. Портной подгоняет как манекен, так и одежду по желанию патрона-заказчика. Цель, которую ставит себе портной в этой книге, — помочь молодым людям — студентам университетов и другим — обрести широкие познания о жизни, оснастив их на любой трудный случай, а одеяние, которое здесь демонстрируется, пусть покажет им все недостатки лоскутного наряда, который носили их отцы.

Молодому человеку с деятельным умом нужно от учителя лишь одно — чтобы тот научил его владеть своими орудиями. Молодой человек и сам как предмет обучения является некой формой энергии; цель, которую ему необходимо достичь, — экономия сил; обучение заключается частично в уничтожении стоящих перед ним препятствий, частично же в непосред-

ственном приложении собственных усилий. Овладев орудиями и моделями, он может их отбросить.

Следовательно, манекен, предлагаемый в этой книге, имеет то же значение, что и любое геометрическое тело, рассматриваемое в трех или более измерениях, которое используется для изучения отношений. Для целей этой книги без него нельзя обойтись: он является единственной мерой движений, пропорций, человеческих состояний; ему необходимо придать вид реально существующего; необходимо принимать за реально существующий; необходимо обращаться с ним, как если бы он был живой. И кто знает — может быть, так оно и есть!

16 февраля 1907 года

1. КУИНСИ

(1838–1848)

Если встать под сенью бостонского Стейт-хауса, спиной к особняку Джона Хэнкока, очутишься на небольшой улочке Хэнкок-авеню, которая тянется, вернее, тянулась от Бикон-стрит, окаймляющей участок, где находится Стейт-хаус, к Маунт-Вернон-стрит, что на вершине Бикон-хилл. На этой улочке, в третьем доме вниз от Маунт-Вернон-плейс, 16 февраля 1838 года родился мальчик, которого несколькими днями позже окрестил его собственный дядя, священник Первой церкви — этой цитадели бостонского унитаризма, дав имя Генри Брукс Адамс.

Родись этот мальчик под сенью Иерусалимского храма, где дядя-первосвященник, совершив обрезание, нарек бы его Израилем Коганом, судьба вряд ли наложила бы на него более четкое тавро и убрала с его пути больше преград в скачках на призовые места, уготованных грядущим веком. Однако и рядовой путешественник по жизни, не вступающий на ее ристалища, тоже не прочь получить, так сказать, проездной билет, гарантирующий безопасность, предоставляемую давно обкатанными средствами передвижения. Пользоваться подобными гарантиями порою скучно, зато удобно, и тот, кому они нужны, ощущает необходимость в них беспрестанно. Гарантии, которыми располагал Генри Б. Адамс, ста годами ранее обеспечили бы успех в жизни любому молодому человеку, и, хотя в 1838 году их ценность по сравнению с 1738 годом несколько снизилась, сам факт, что начало этой карьеры двадцатого века было связано с созвездием имен и названий, уводивших во времена колоний, в допотопные времена — Первая церковь, бостон-

ский Стейт-хаус, Бикон-хилл, Джон Хэнкок и Джон Адамс, Маунт-Вернон-стрит и Куинси, сгрудившихся у колыбели с десятью фунтами слепой младенческой плоти, — был настолько необычным, что даже много лет спустя, когда младенец вырос и уже знал, чем все разрешилось, это удивительное стечение обстоятельств дало ему предмет для весьма любопытных размышлений. Что могло выйти из ребенка, который с детства впитывал дух семнадцатого и восемнадцатого веков, но, обретя сознание, оказался перед необходимостью вести игру картами двадцатого? А если бы спросили его заранее — захотел бы он вести ее теми картами, какие послала ему судьба, догадываясь, что примет участие в игре, в которой ни он, ни кто другой не знает и не знал от века ни правил, ни степени риска, ни ставок? Его не спросили, и он ни за что не отвечал. Но даже посвяти его родители в свои намерения, он, несомненно, попросил бы их ничего не менять. Он был бы потрясен тем, как ему повезло. Вряд ли существовало еще хоть одно дитя из родившихся в том же, 1838 году, которому сдали больше козырей. А была ли жизнь честной игрой, где господствовал случай, или же в ход шли крапленые и подтасованные карты, он все равно не мог отказаться играть: ведь на руках у него были одни козыри. Нет, он не мог сказать, как многие другие: я не несу за это ответственности. Он принял существующее положение вещей, стал частью его и, если бы все повторилось вновь, сделал бы это снова, и тем охотнее, что знал всему настоящую цену. В целом, от рождения и до смерти, он оставался пассивным, покладистым участником и партнером в игре, которой была его собственная жизнь. И только принимая во внимание, что он сознательно был лояльным членом общества своего времени, жил с этим обществом в полном согласии, можно полагать, что

история воспитания его ума и сердца представляет интерес для него самого и для других.

По правде говоря, он так по-настоящему и не вступил в игру; он с головой ушел в ее изучение, в наблюдение над ошибками участвовавших в ней — и в этом смысл последующего рассказа, без чего тот не содержал бы в себе никакого урока, ни стоящих внимания событий. Это рассказ о воспитании, длившемся семьдесят лет, практическая ценность которого весьма сомнительна, как все ценности, о которых люди не перестают спорить с рождения Каина и Авеля! Но ценность вселенной не исчисляется долларами. Не каждый человек может быть Гаргантюа — Наполеоном — Бисмарком, не каждому дано похищать колокола из Собора Парижской богородицы, но каждый должен нести в себе свою вселенную, и большинству из нас интересно знать, хотя бы в общих чертах, как справляется с этой ношей его сосед.

В течение трех лет, пока младенец, подобно всем младенцам, рос бессознательно, как трава, вопрос о его воспитании, вставший в 1838 году, оставался открытым, меж тем как внешний мир трудился вовсю, готовя для него новую, его собственную вселенную. Позднее, в пожилом возрасте, Генри Адамс не раз задумывался над тем, не правильнее ли, согласно теории случайностей, рассматривать и себя, и этот свой мир как случайное стечение обстоятельств. Подобного случайного стечения обстоятельств человеческий опыт еще никогда не знал. Для него, и только для него, стиралась в труху старая вселенная и создавалась новая. Он и его допотопный Бостон восемнадцатого века внезапно разошлись, разъединились — если не духовно, то физически — в силу ряда событий: открылась железная дорога Бостон Олбани, появился первый пароход, телеграф передал из Балтимора в Вашингтон известие о том, что Генри Клей и Джеймс

Н. Полк выдвинуты кандидатами на пост президента. Шел май 1844 года, мальчику было шесть лет, новый мир был готов принять его, а от старого мира на глаза попадались лишь осколки.

Из всего, чем потом обогатилось для него содержание этого мира, он пока различал только желтый цвет. Первое, что запомнилось, — желтый кухонный пол, на котором он сидит в ярком солнечном пятне. Ему было три года, когда через распознавание цвета он сделал этот первый шаг в познании окружающего мира. Вскоре последовал второй — вкусовое ощущение. 3 декабря 1841 года мальчик заболел скарлатиной. Несколько дней он находился между жизнью и смертью и вряд ли встал бы на ноги, если бы не самоотверженные усилия родных. Но вот, с 1 января 1842 года, он стал поправляться: на него напал неутолимый голод, который, наверное, владел им сильнее всех других чувств — радости или боли, — потому что память не сохранила никаких иных, даже слабых впечатлений от этих дней, кроме одного: в комнату, где он лежит, входит тетушка, а в руке у нее блюдечко с печеным яблоком.

Возможно, для памяти естественно сохранять впечатления именно в таком порядке — от цветовых к вкусовым, но следует предположить, что в воспитании первое место занимает боль. И действительно, третье воспоминание связано с чувством неприятного. Как только врачи разрешили вынести больного на воздух, мальчика, закутав в одеяло, перенесли из небольшого дома на Хэнкок-авеню в другой, куда более внушительных размеров, вблизи Маунт-Вернон-стрит, где его родителям предстояло прожить до конца своих дней.

Переезд происходил в середине зимы, 10 января 1842 года, и Генри Адамс до сих пор помнит, как ему

было тяжело, когда под ворохом одеял не хватало воздуха или когда с грохотом двигали мебель.

Болезнь, перенесенная в детстве, играет немало важную роль в создании человеческой особи, отличной от среднего типа, — правда, в ином смысле, чем приспособляемость и неприспособляемость в естественном отборе. В особенности скарлатина, которая сильно сказывалась как на физическом развитии мальчиков, так и на характере, хотя ни один из них до конца жизни, вероятно, не мог бы сказать, помогла ли она ему в достижении успеха или же, наоборот, помешала. Скарлатина, которой переболел Генри Адамс, приобретала с годами в его глазах все большее и большее значение как фактор его развития. Прежде всего болезнь оказала воздействие на его физическое состояние. Генри отставал от братьев в росте на два-три дюйма и соответственно был уже в кости и меньше весом. Его характер и духовные наклонности, очевидно, также складывались по более утонченной модели. Он не блистал в драках и отличался более чувствительными нервами, чем положено мальчику. Подрастая, он преувеличивал свои недостатки. Привычка ставить все под сомнение, не доверять собственным суждениям и полностью отвергать общепринятые, склонность считать любой вопрос открытым, нерешительность в поступках (исключались лишь явно дурные), страх перед ответственностью, любовь к порядку, форме, качеству, боязнь скуки, тяга к дружбе и нелюбовь к обществу — все эти качества отличают, как известно, уроженца Новой Англии, хотя отнюдь не каждого. Но в случае Генри Адамса они, по-видимому, усугублялись перенесенной им болезнью, хотя он так и не смог решить, был ли происшедший в его развитии крен пагубным для него или благотворным, к добру или во зло для его дальнейших целей. Его бра-